

ЭДУАРД ФУКС

ИСТОРИЯ НРАВОВ

Буржуазный век

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

УДК 17(091)

ББК 87.7

Ф94

EDUARD FUCHS
Illustrierte Sittengeschichte
vom Mittelalter bis zur Gegenwart
Das bürgerliche Zeitalter

Перевел с немецкого В. М. Фриче

Фукс Э.

Ф94 История нравов : Буржуазный век / Эдуард Фукс ; [пер. с нем. В. М. Фриче]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2020. — 409 с. : ил. — (Серия «История нравов»).

ISBN 978-5-521-94309-8

Современник зарождения буржуазной морали, Эдуард Фукс анализирует стремительно меняющиеся нравы общества на рубеже XIX–XX веков, в период, когда вместе с торжеством буржуазии утвердились и новые моральные нормы, во многом сохранившиеся по сей день. Отмечая расцвет эмансипации и растущую сексуальную свободу, автор создает впечатляющий портрет революции нравов, которая породила современного человека, приходя к пусть несколько наивным на сегодняшний взгляд, но по-настоящему революционным выводам.

УДК 17(091)

ББК 87.7

ISBN 978-5-521-94309-8

© Оформление.

АО «Т8 Издательские Технологии», 2020

ВСТУПЛЕНИЕ

Буржуазным веком называется век современного капитализма, выстраивающегося на возникшей в XVIII столетии экономической системе товарного производства. А современный капитализм, в свою очередь, — это наиболее грандиозное развитие института частной собственности, обуславливающего всю нашу общественную и политическую культуру. Соответствующие этим новым экономическим условиям политические и социальные формы возникли в Англии в эпоху революции 1648 года, завершившейся лишь в 1688 году, а на Европейском континенте — в эпоху Великой французской революции. Оба этих грандиозных переворота сокрушили те государственные и общественные образования, которые были преградой для нового исторически необходимого способа производства, и создали взамен те политические и социальные формы, в которых новый экономический принцип нуждался, как в предпосылках и в рамке для своего успешного развития.

В силу этих своих последствий революции 1648 и 1789 годов носили не только местный английский или французский характер — они были «революциями общеевропейского стиля». Они дали европейскому человечеству совершенно новую внешность, новый вид. «Они были не победой определенного общественного класса над старым политическим порядком, а провозглашением политического порядка для новых европейских обществ. Правда, победила буржуазия, но ее победа

была тогда равносильна победе нового общественного порядка, победой буржуазной собственности над феодальной, национальности над провинциальной обособленностью, конкуренции над цехами, дробления над майоратом, власти собственника земли над властью земли над собственником, просвещения над героической ленью, буржуазного права над средневековыми привилегиями» («Новая рейнская газета» от 15 декабря 1848 года).

Этот переворот уничтожил или совершенно пересоздал прежние классы, из которых состояло общество. Вместе с тем с течением времени возникали новые классы с совершенно новыми потребностями, сыгравшие также известную роль в историческом процессе. Все общественное бытие получило таким образом постепенно совершенно новую физиономию. А так как каждому новому периоду общественного бытия соответствует и новая половая мораль, то с этого момента начинается и новая эпоха половой нравственности: возникли и воцарились совершенно новые законы публичной и частной нравственности.

Эпоха абсолютизма провозгласила открыто перед лицом всего мира как свой высший закон культ необузданной и утонченной чувственности. Эта мужественная откровенность, однако, вовсе не была доказательством, что тогда господствовали более свободные и широкие взгляды на половые отношения, чем, скажем, в настоящее время, нет, эта откровенность была только циническим проявлением неограниченности абсолютизма. Господствующие классы XVIII века, придворная аристократия и крупная финансовая буржуазия, еще не стояли лицом к лицу со способными на борьбу другими классами, критика которых могла бы стать опасной для их господства. Вот почему они имели возможность всецело отдаваться во власть своих инстинктов и провозгласить высшим смыслом бытия разнузданный культ этих инстинктов.

В эпоху буржуазной культуры, сменившую абсолютизм, взаимные отношения господства и подчинения совершенно изменились между отдельными классами. Средние и низшие

классы стали во всех странах таким фактором, который своей критикой так или иначе влиял на общественную жизнь. Вот почему с этого именно момента законы общественной нравственности должны были получить совсем новую формулировку. Впрочем, не только по этой причине, но и потому, что содержание жизни и потребности нового времени стали совершенно иными.

Буржуазное государство возвело повсюду, где оно осуществилось, подданного из состояния крепостного в степень гражданина, дало ему права, провозгласило равноправие. С боевым кличем «Свобода, равенство и братство» ринулось третье сословие в борьбу с феодализмом, и битва эта увенчалась рядом бессмертных побед. Буржуазное государство свело и женщину с пьедестала, на котором она в продолжение почти полутора столетий стояла в позе официально признанной высшей богини. И это было для нее не унижением, а, напротив, возвышением. Впервые, начиная со Средних веков, женщина стала человеком. Из рабыни, лишенной права иметь свои суждения, из простого орудия наслаждения она все более превращалась в товарища и подругу мужчины. Единственным нравственно допустимым базисом брака во всех классах и всеми классами была признана индивидуальная половая любовь. Связующим людей звеном должна была стать солидарность. Высочайшие психические и физические цели ставились отныне идеалу человеческой красоты. Все формы и ценности жизни, искусство, философия, право, язык, наука — все подвергалось критике и поправкам буржуазного века.

Современное буржуазное государство хотело быть венцом всего предыдущего развития семьи, государства и общества, постройкой, отмеченной в худшем случае лишь некоторыми эстетическими недостатками. Вот почему оно стремилось также и к тому, чтобы сойти за осуществление «истинного нравственного миропорядка». Оно хотело быть конкретным воплощением этой идеи.

Не подлежит никакому сомнению, что уже одно это стремление внесло в европейскую историю огромный запас нрав-

ственных мотивов и что эти последние привели с течением времени к такому физическому и духовному возвышению народов, которого даже и отдаленно не достигала ни одна из прежних форм общественного развития. Многие политические и социальные идеалы, ранее бывшие не более как смелыми грезами отважных утопистов, стали осязательной действительностью уже по одному тому, что они стали и остаются знаменем в борьбе миллионов вдохновенных борцов. В области науки и искусства каждый день приносит с собой все новые и все более смелые создания. Во всех сферах духовной жизни царит непрерывная революция, Revolution in Permanenz.

То же самое приложимо и к преобразованию половой морали и всех связанных с ней областей. И хотя это новое положение вещей нельзя сравнить с победой дня над ночью — все же многообещающая заря поднялась над всем культурным человечеством.

И однако, мы должны оговориться.

Все эти черты, которые могли бы в своей совокупности образовать понятие истинного нравственного миропорядка, — в лучшем случае лишь идеология буржуазного государства, только его искусственный рефлекс, а не его подлинная сущность. Все это только ореол, которым оно окружило свою собственную голову в майские дни, когда новая эра железной поступи ступала по земле, все революционизируя, сокрушая старые формы, наполняя их новым содержанием, когда буржуазное государство — что не подлежит спору — искренно верило, что именно оно — идеальное осуществление всех этих идей. Реальное содержание этой идеологии, однако, очень скоро и безжалостно разбилось о принципиальную несовместимость идеи с практическим базисом эпохи, последней и высшей целью которой было и есть повышение прибыли, это присущий капиталистическому товарному производству основной закон.

Идеалы буржуазного века не могли осуществиться, стать действительностью потому, что освобождение человека — не самоцель для буржуазного государства, а только средство

для достижения цели. Человек, как представитель массы, должен был получить свободу, потому что только таким путем можно было заручиться теми силами и рабочими руками, в которых новый экономический принцип все более нуждался для завоевания мира. Все официальные идеалы буржуазного государства должны были поэтому подвергнуться поправкам именно в интересах этой решающей и высшей потребности капиталистического общества. Чем решительнее совершалось это исправление во имя кошелька и власти буржуазии, чем ярче оно противоречило поднятому знамени, чем глубже была пропасть между истинным содержанием вещей и идеологической драпировкой, тем упорнее цеплялась буржуазия за эту последнюю. Она не только хотела быть и остаться высшим осуществлением нравственного порядка, дальше которого идти некуда. Она должна была так поступить: ибо если бы она отреклась от своей идеи, то это было бы равносильно смертному приговору, произнесенному ею же над собою. А на такой шаг способен общественный класс только в том случае, если прошел все возможные стадии развития и в дверь его стучится банкротство.

Самое разительное противоречие между действительностью и видимостью, какое только знает история, — таково конечное последствие этой эволюции и вместе с тем характерная сущность современного буржуазного общества. Единственным средством затушевать истинное положение вещей было лицемерие. Только оно могло скрыть зияющее противоречие между действительностью и идеалом. Черта, отличавшая раньше всегда только отдельные слои общества, стала в эпоху господства буржуазии всеобщей. Место действительности заняла видимость. Был провозглашен диктаторский закон: ты должен казаться нравственным при любых условиях, во что бы то ни стало. В области половой морали возникло, как половая идеология, моральное лицемерие, и оно порой доходило до бесстыднейшего ханжества. Почетом и уважением пользуется тот, кто умеет сохранить эту видимость даже в самых неблагоприятных обстоятельствах. А тот, кто при всей

своей личной порядочности пренебрегает видимостью, подвергается опале.

Такова буржуазная мораль в ее поперечном, а не продольном разрезе — последний состоит в постоянных зигзагах этой эволюции.

Осветить половую жизнь и ее отражение в идеологии в разных классах в век господства буржуазии — такова рамка и таково содержание этого тома.

Относящийся сюда документальный материал неисчерпаемо богат и бесконечно многообразнее того, которым историк мог пользоваться для выяснения и для иллюстрации половых нравов предыдущих эпох. Так как в настоящее время каждый класс ведет самостоятельное политическое существование, то каждый класс выражает по-своему свои взгляды и требования относительно половой нравственности. Каждый класс пользуется к тому же почти одинаковой возможностью выражать эти свои взгляды и требования, причем первым и главным средством служит периодическая печать. Газета всюду заняла место так называемого летучего листка. Картина также очень скоро и притом удивительно удачно стала составной частью газеты, сначала в виде самостоятельного приложения, потом как комментарий, дополнение и иллюстрация к тексту. В конце концов картина сделалась во многих случаях важнее текста, исполнявшего лишь роль ориентирующего прибавления.

Влияние газеты, как иллюстрированной, так и состоящей из одного только текста, огромно ввиду ее периодического характера. Отдельная личность получает теперь не только случайные и поверхностные сведения о важнейших событиях и об общем положении общественной и частной жизни индивидуумов, классов и народов, которыми в дни «летучего листка» должны были довольствоваться массы, — нет, теперь все могут рассчитывать на самую детальную информацию при помощи как иллюстрации, так и текста.

Эта широко поставленная информация, это влияние на массы были в значительной степени обусловлены фотографией, облегчавшей, начиная с 60-х годов XIX века, работу рисоваль-

щикам и художникам. Фотография не только расширила до последних пределов сферу подлежащих воспроизведению предметов, но и повысила документальную точность картины, и притом всех картин. Даже художник мог теперь черпать материал для изображения невиданных им предметов уже не в своем воображении, как он это делал раньше очень часто и без всякого стеснения, — фотография давала ему в огромном большинстве случаев необходимые сведения. Да и не мог он теперь поступать так, как прежде, так как фотографические снимки все чаще появлялись на рынке, облегчая публике возможность контроля.

Если, таким образом, сократилась область представлений, почерпнутых из воображения, если ценность этих последних значительно понизилась, то наши пластические представления о предметах стали, несомненно, более точными и более содержательными. А с тех пор как были изобретены открытки, картина заняла вообще господствующее положение. Взоры наши падают ежеминутно на картины, и мы не в состоянии от них бежать. Если бы мы даже стали игнорировать иллюстрированные газеты и открытки, то все же остался бы плакат, иллюстрированная реклама, преследующая нас на всех предметах обихода, чтобы навязать нам свое мнение — и свою мораль.

Последнее также очень важно. Ибо все: газета, картина, открытка, плакат, фотография, предметы обихода — становится в очень значительной степени носителем, посредником, а часто и прямо пропагандистом определенных половых взглядов. И потому все они без исключения — важные документы для характеристики нравов нашего века.

Дать правильное представление о росте богатства этого документального материала было бы одной из главных задач иллюстративной части этого третьего тома. Придется, однако, ограничиться более скромной задачей и составить хотя бы приблизительное о нем представление. Благодаря своему крупнокапиталистическому размаху буржуазный век разбивается на миллионы отражений, и нет никакой возможности уловить

их хотя бы отчасти: так точно многообразие жизни и ее проблем может быть охвачено отдельной личностью только в отдельных проявлениях, а не в совокупности. Поднять избранную частицу общей картины на высоту характеристического описания, воссоздать магистральную линию частнокапиталистической культуры — вот отныне то, что еще может сделать отдельный историк.